

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Химерная проза

лучшие рассказы конкурса
«Фантазмы и протуберанцы»

Конкурс Квazar

Коллектив авторов

Избранные. Химерная проза

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Избранные. Химерная проза / Коллектив авторов —
«Издательские решения», — (Конкурс Квазар)

ISBN 978-5-00-502566-1

Перед вами сборник рассказов финалистов конкурса химерной прозы «Фантазмы и протуберанцы», проведённого совместно с журналом «Аконит» в апреле 2019 года. На этих страницах вас ожидает целая галерея химер. Предлагаем вам прогуляться ночью той дорогой, которой ходят бесы, ступить на хрупкую кромку вечности, посетить таинственного часовщика и подсмотреть, о чём грезят мёртвые... Доверьтесь неслышным взмахам крыл химер, несущих вас в породившие их ирреальные, неведомые миры.

ISBN 978-5-00-502566-1

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

Под крыльями химер: к определению химерной прозы	7
Достучаться до Дурдича	11
Живое	17
Эн-пи	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Избранные Химерная проза

Дизайнер обложки Алексей Жарков

Редактор и составитель Алексей Жарков

Иллюстратор Мария Дьяченко

Иллюстратор Оксана Заугольная

Иллюстратор Сергей Захаров

Иллюстратор Валерия Радионова

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2019

© Мария Дьяченко, иллюстрации, 2019

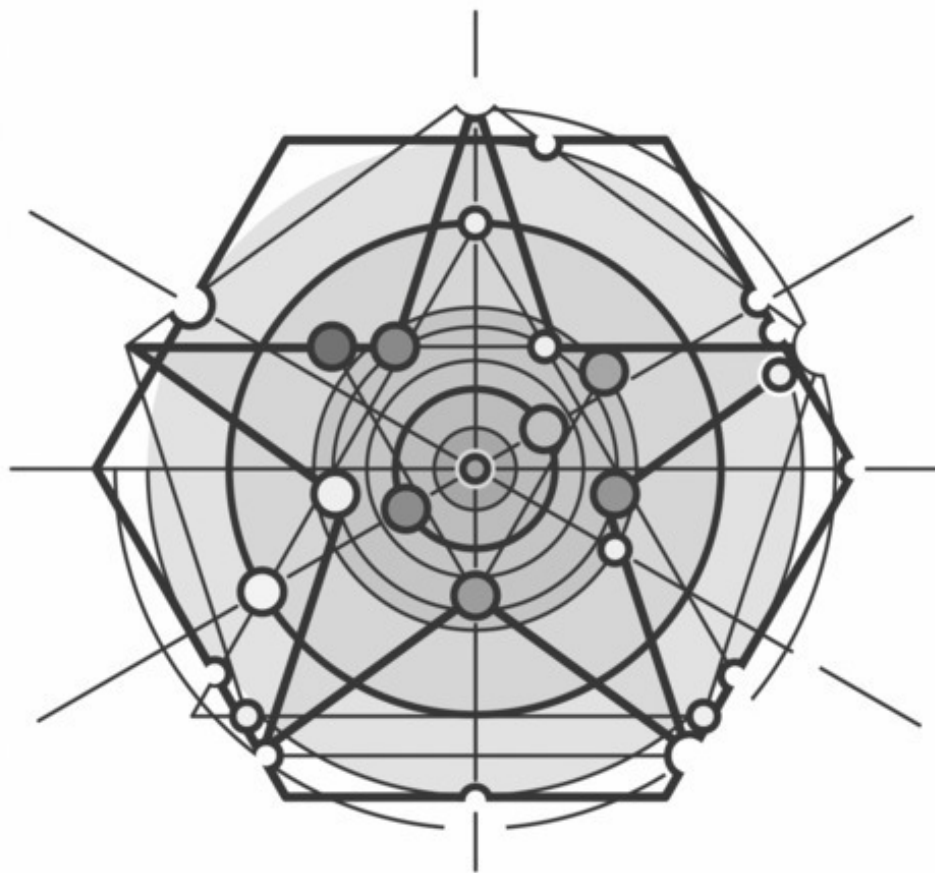
© Оксана Заугольная, иллюстрации, 2019

© Сергей Захаров, иллюстрации, 2019

© Валерия Радионова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-2566-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР

конкурс фантастики

Под крыльями химер: к определению химерной прозы

Каждый из них нес на спине громадную Химеру, тяжелую, словно мешок муки или угля, словно снаряжение римского пехотинца.

Но такая чудовищная тварь вовсе не была неподвижным грузом; напротив, она охватывала и сковывала человека своими упругими и сильными мускулами; она цеплялась мощными когтями в грудь своего носильщика; и ее фантастическая голова вздымалась надо лбом человека, подобно тем ужасным шлемам, которыми древние воины стремились повергнуть в страх своих противников.

Я заговорил с одним из этих людей и спросил, куда они направляются. Он отвечал, что об этом неизвестно ни ему, ни другим; но очевидно, они движутся к какой-то цели, ибо их все время побуждает неодолимая потребность идти вперед.

Любопытная вещь: никто из этих путников, казалось, и не помышлял взбунтоваться против свирепого чудовища, что уцепилось за его шею и словно приросло к спине; можно было подумать, что каждый считает своего монстра неотъемлемой частью самого себя. Их лица, усталые и серьезные, не свидетельствовали об отчаянии; под тоскливым куполом неба, погружая ноги в пыль земли, столь же пустынной, как это небо, они брели с покорностью тех, кто осужден надеяться вечно.

Шествие проследовало мимо меня и скрылось в дымке горизонта, там, где земная поверхность, закругляясь, ускользает от человеческого любопытного взгляда.

Шарль Бодлер «Каждому своя химера»

Химеры сопровождают человека с самого его появления в этом мире; с тех пор, как он обрёл разум и позволил себе взглянуть на другой конец пропасти – чтобы увидеть плохо различимые огромные фигуры в тумане. Чуждые и тревожные фигуры, вторгающиеся в привычную реальность. Фигуры химер. Впрочем, и сам человек – та ещё химера. Химера, порождающая химер – и придумывающая химерные истории.

Можно сколько угодно говорить о том, что химерная проза – искусственный термин, созданный в конце XX века с лёгкой подачи С. Т. Джоши и Джеффа Вандермеера. Что своим появлением на свет он обязан Чайне Мьевиллю. Что термин справедлив лишь для авторов, издававшихся в журнале «Weird Tales», а все прочие притянуты к нему за уши. Можно утверждать, что химерная проза равнозначна сюрреализму, бизарро, абсурдизму, слипстриму. Можно даже заявлять, что химерной прозы как жанра не существует вовсе. Однако, подобные размышления – не более чем игры химер с вашим сознанием.

Химерная проза являет собой уникальный феномен. В период с конца XIX – начала XX в.в. в различных странах мира, совершенно незнакомые друг с другом авторы начинают создавать произведения, выдержанные в единой манере. Роберт Чамберс и Элджернон Блэквуд, Артур Мейчен и Густав Майринк, Стефан Грабинский и Леонид Андреев, Уильям Хоуп Ходжсон и Говард Лавкрафт... Последнего можно по праву назвать отцом химерной прозы – именно он, значительно позже выхода сборника Джозефа Шеридана Ле Фаню «*The Watcher and Other Weird Stories*», предложил этот термин (weird fiction, weird story) для обозначения литературы подобного рода. Однако это нечестивое дитя облёк в привычные нам одежды Кларк Эштон Смит, снабдив химерную прозу всем тем, что мы ожидаем обнаружить в ней, открывая сборник химерных историй.

Появление на свет химерной прозы – закономерное отражение *fin de siècle* и различных потрясений XX века, со всей фатальностью обрушившихся на человечество. Сейчас, в XXI веке, грозящем очередными неведомыми угрозами, химеры вновь кружат над нами, воскрешая интерес к химерным историям и нашёптывая авторам новые тревожные откровения.

Так как же нам определить химерную прозу? И почему мы отойдём от относительно прижившихся в русском языке терминов «странная проза» и «вирд»?

Долгое время в русскоязычном сообществе термины «странная проза» и «вирд» применялись как эквиваленты термина «weird fiction». Однако, определяя этот жанр как «странную прозу», мы рискуем поместить его в рамки однозначности, поскольку странность, как таковая, не является его исчерпывающей характеристикой. Термин «вирд» (судя по всему, введённый по аналогии с термином «хоррор»), вызывает неуместные религиозные и эзотерические ассоциации, и потому, на наш взгляд, также не подходит для определения жанра.

Обратимся к самому слову «weird». Из всех вариантов его перевода на русский язык выберем наиболее подходящие, характеризующие жанр: потусторонний, сверхъестественный, фатальный. При этом под «потусторонним» мы будем подразумевать то, что находится по другую сторону привычной нам реальности, нечто нездешнее, неземное, чуждое; под «сверхъестественным» – то, что невозможно объяснить естественными причинами, рациональным способом (находящееся выше нашего естества и понимания бытия); под «фатальным» – то, что неумолимо и неизбежно, губительно. Данные значения слова «weird» в полной мере подчёркивают сюжетные особенности, образы и элементы атмосферности жанра (о чём будет сказано ниже). Однако, та же эклектичность, гротескность, присущие ему, не находят в подобном смысловом ряде своего отражения.

Выстроив синонимический ряд от понятий «потусторонний» и «сверхъестественный», мы возьмём на себя смелость привести его к понятию «химерный», которое наделим следующими значениями: нереальный, гротескный, гибридный, рождённый фантазией, причудливый. И с ещё большей смелостью приравняем понятия «weird» и «химерный». На наш взгляд, это является наиболее правильным решением, поскольку это понятие, в своём многозначии, наиболее полно описывает природу жанра. Химере присуще сочетание в себе частей различных существ; при этом рождается довольно гротескный образ. Этот образ выбивается из привычной нам картины реальности, вторгается в неё откуда-то извне, он чужд нам – и, как и всё чуждое, однозначно угрожает нам, вселяет смутную тревогу. И, несомненно, явление химеры нельзя объяснить любым рациональным способом – ведь иррациональность заключена в самой её природе.

В работах украинского филолога Дарьи Денисовой уже была предпринята подобная попытка перевода названия жанра «weird fiction» на язык восточнославянской группы. Однако, приравнивая понятия «weird» и «химерный», она предлагает переводить «fiction» как «фантастика», и, соответственно, вводит термин «химерная фантастика». Данное обусловлено наличием в украинской литературе явления «химерной прозы», не имеющего никакого отношения к рассматриваемому нами жанру, а также отнесением автором произведений жанра лишь к области фантастического. Поскольку же в русской литературе такого явления не существует, а также на основе того, что можно выделить разновидность жанра, определяемую как «химерный реализм», мы утверждаем термин «химерная проза» как наиболее полный эквивалент термина «weird fiction» в описании одного и того же жанра.

Рассмотрим сюжетные особенности, образы и элементы атмосферности химерной прозы, сочетанием которых рождены прекрасные химерные истории, многие из которых не просто стали классикой жанра, но и заложили его канон.

Основным сюжетообразующим элементом является вторжение, инвазия в мир произведения химерного, пришедшего извне, нарушающего законы реальности произведения, и не важно, обыденна ли и повседневна эта реальность, или она уже химерна. Вокруг подоб-

ного нарушения нормальности мира построены абсолютно все произведения жанра, инвазия химерного справедлива как для старой школы, так и для новой. *«Что бы вы почувствовали, если бы ваша кошка и собака вдруг заговорила с вами человеческим языком? Вас бы охватил ужас. Я в этом уверен. А если бы розы у вас в саду вдруг начали кровоточить, вы бы просто сошли с ума. Или представьте, что камни на обочине дороги при вашем приближении стали пухнуть и расти, а на обычной гальке, которую еще накануне вечером вы видели собственными глазами, поутру распустились каменные цветы?»* – данная цитата из «Белых людей» Мейчена как нельзя лучше иллюстрирует принцип построения сюжета в химерной прозе.

Образы химерного, вторгающегося в мир произведения, наполнены гротеском. Тем самым, который превращает знакомое и обыденное в незнакомое и тревожное. Авторы часто обращаются к теме богов и чудовищ – при этом мы можем наблюдать либо химерическую деконструкцию сложившегося мифологического/фольклорного образа, либо создание новых химер из разрозненных и часто не сочетающихся друг с другом в реальном мире элементов. В итоге мы имеем причудливые и жуткие пантеоны и бестиарии, когорты странных и нечестивых культов, манифестации неких безликих и безымянных сил внешнего пространства, и многое, многое другое. Химеры активно воздействуют на пейзаж локаций, в которых разворачиваются события произведений – и вот уже сам он становится химерным, вне зависимости от того, расположен ли он в нашем реальном мире, или отдалён от него в пространстве и во времени.

Атмосферность – это то, благодаря чему можно прочувствовать историю, проникнуться ей. Именно она занимает главенствующую позицию в произведениях химерной прозы, и зачастую авторы даже пренебрегают в её пользу сюжетом. Относительно того, какой должна быть атмосферность химерной истории, довольно метко высказался в своём знаменитом эссе Лавкрафт: *«...должна быть осязаемая атмосфера беспредельного и необъяснимого ужаса перед внешними и неведомыми силами; ...должен быть намек, высказанный всерьез, как и приличествует предмету, на самую ужасную мысль человека – о страшной и реальной приостановке или полной остановке действия тех непреложных законов Природы, которые являются нашей единственной защитой против хаоса и демонов запредельного пространства»*. Из двух элементов атмосферности, кинетического и потенциального, особенно интересен второй, поскольку он включает в себя подтексты, намёки, полутона, оттенки, различные ритмические и фонетические эффекты, звукоподражания и т. п. – вся та начинка, что в совокупности с «наружными» кинетическими эффектами решает главную задачу химерной истории – вызвать у читателя чувство тревоги, или даже благоговейного трепета.

Химерная проза прошла долгий путь эволюции. Развившись из мифов и легенд тёмных эпох, напитавшись декадентством и визионерством, пройдя в XIX веке стадию протохимеризма, она явилась в мир в своём классическом понимании в промежутке между 1890 – 1920 гг. Начиная с 40-х годов XX века она начинает процесс трансформации, длившийся приблизительно до 1990 г., чтобы затем, вновь на стыке веков, испустить из себя росток *нового химеризма*.

В настоящее время две традиции химерной прозы мирно сосуществуют друг с другом. Новый химеризм, яркими представителями которого являются Чайна Мьевиль, Джефф Вандермеер и Джеффри Форд, в рамках межжанрового микса исследует политические, экологические и общественные проблемы на фоне урбанистических химерных пейзажей. Но и классический (традиционный, старый) химеризм всё так же предлагает нам совершить тревожное путешествие за пределы чувственного восприятия и рационального анализа, под крыльями химер внешних и внутренних пространств – в компании с Томасом Лиготти, Эриком Шеллером, Лэрдом Барроном и многими другими.

В русскоязычное литературное пространство химерная проза проникла стараниями Владислава Женева. Однако это не значит, что жанр нам чужд – достаточно вспомнить некоторые из произведений Николая Гумилёва и Ивана Тургенева, Александра Грина и Валерия

Брюсова, Алексея Ремизова и Александра Кондратьева. Леонид Андреев признан русским классиком химерной прозы даже за рубежом. Еремей Парнов и Юрий Мамлеев часто обращались к химерным образам в своей прозе. Из современников, время от времени призывающих химер в свои истории, нельзя не отметить Владислава Женеvского, Дмитрия Костюкевича, Алексея Жаркова и Максима Кабира. Журнал «Аконит» (первое в русскоязычном пространстве издание, посвящённое химерной прозе), главным редактором которого я являюсь, не устаёт открывать миру новые имена отечественных химеристов: Андрея Плотника, Евгения Долматовича, Василия Спринского, Сергея Чернова и многих, многих других.

Перед вами сборник рассказов финалистов конкурса химерной прозы «Фантазмы и протуберанцы», проведённого совместно с журналом «Аконит» на платформе «Квazar» в апреле 2019 года. На этих страницах вас ожидает целая галерея химер. Предлагаем вам прогуляться ночью той дорогой, которой ходят бесы, ступить на хрупкую кромку вечности, посетить таинственного часовщика и подсмотреть, о чём грезят мёртвые...

Предлагаем вам довериться неслышным взмахам крыл химер, несущих вас в породившие их ирреальные, неведомые миры.

Андрей Бородин

Достучаться до Дурдича Александр Лебедев

– Миланка! – недовольным тоном окликнул Натко хозяйку дома и, по совместительству, свою жену.

– Миланка, где ты?

Недовольство в голосе мужчины сменилось тревогой. Обычно, хозяйка таверны в это время стояла у очага и помешивала какое-нибудь пахучее варево своей длинной деревянной поварешкой. Однако сейчас очаг был почти потухшим, а чугунный котел стоял вверх дном подле него.

Мужчина поежился от вороха тревожных мыслей, морозной метелью ворвавшихся в его голову и пробежавших колючим холодом по спине. Забыв про усталость, он, не снимая тяжелой сумы, метнулся на кухню. И там он обнаружил свою жену, мирно восседающую на лавке с маленькой потрепанной книжицей в руках. Миланка была так увлечена чтением, что не сразу заметила своего встревоженного мужа. А, когда заметила, то лишь подняла на него раскрасневшееся от слез лицо и очень-очень печально вздохнула.

– Миланка! – воскликнул Натко со смесью облегчения и досады.

Не придумав, какими словами далее выразить свои противоречивые чувства, он поставил суму на пол и сказал:

– Тут припасы из Дурдича.

Миланка ничего не ответила.

– Тебя кто-то обидел? – переборов досаду, с грубоватой нежностью спросил Натко, в нерешительности переступая с ноги на ногу.

– Нет, Черман, – отозвалась, всхлипывая, Миланка, закрывая и откладывая книжицу в сторону. – Никто меня не обидел.

– Тогда почему котел пустой..? – начал было отчитывать жену Натко, но Миланка, возвысив тон, так уверено продолжила свою речь, что мужчина осекся и замолк на полуслове.

– Никто меня не обидел, – повторила твердо женщина. – Потому что никому нет до меня дела. Изо дня в день я проверяю нашу кладовую, пересчитываю вязанки лука, колбасы, мешки с мукой и иду готовить еду. Варю кашу, замешиваю тесто, пеку хлеб, жарю мясо и запекаю рыбу с грибами.

Натко почувствовал, что список повседневных дел жена зачитывает ему неспроста, вот только цель этой череды очевидных и правильных вещей была скрыта от него за пеленой этой самой очевидности. Миланка, как назло, замолчала, так и не дав мужу перевести странную беседу в будничный семейный скандал.

– Это хорошо, – ответил Натко.

– Хорошо?! – воскликнул Миланка, вскакивая с лавки. – А что хорошего? Пока ты был в Дурдиче, меня осенило! Черман, а ведь мы уже двадцать лет живем в этой таверне, на перекресте трех дорог, и всё, что я вижу – это лица путников, которые, к тому же, все похожи друг на друга. Десяток наемников, пара гонцов, несколько шахтеров и купцов. Одни и те же лица двадцать лет подряд. Одни и те же слова, одни и те же разговоры. Они даже не стареют, как мне кажется.

– Да? – удивился Натко столь необычным претензиям жены.

Потом он вспомнил о пустом котле и двух путниках, которые что-то хлебали в углу. И, пока Миланка продолжала вещать ему о подозрительной однообразности бытия, Натко размышлял о том, что же они такое черпали из своих деревянных мисок.

Тем временем хозяйка таверны закончила свою вдохновенную тираду, обличающую мистическое однообразие окружающей реальности, и, сделав короткую паузу, уверенным тоном сказала:

– Я даже не уверена, что ты по средам ездешь в Дурдич, Черман.

– А куда ж еще? – удивился Натко, который и сомневаться не мог, что только что грёб целый час из самого Дурдича.

– Вот скажи мне, Черман, – продолжала она, обращаясь, по привычке, к мужу по фамилии, как делала это с самого момента их знакомства, – когда мы в последний раз выезжали куда-то вместе из этой таверны?

– Да никогда, особо, – отвечал Натко.

– А почему? Я помню жизнь до таверны очень смутно, словно бы смотрюсь в старое бабушкино зеркальце. И потом – раз – и в памяти моей тянутся лишь бесконечной вереницей совершенно одинаковые дни, одинаковые лица, одинаковые дела. Мы даже на воскресную службу не ходим, в чем меня укоряет раз в месяц проезжающий через этот перекресток отец Йован.

– Миланка, жупан Белянский дал эту землю под таверну моему пра-пра-пра-прадеду Йосипу с одним условием – таверна ни должна никогда закрываться. Пока действует это условие, мы не платим податей жупану, и земля наша. А место тут, сама понимаешь, видное. В Дурдиче немало дельцов разевают роток на нашу таверну. А поскольку не дал нам с тобой Господь ни деток, ни помощников, не можем мы вместе куда-то ехать. Кто ж тогда будет смотреть за таверной? А одну тебя куда-то отпустить я и подавно не могу. Кругом же то бошняки-магометане, то албанцы, то наши местные разбойнички промышляют. Похитят тебя да османам продадут. Тебе хоть и до сорока недалеко, но баба ты видная, и стряпаешь получше трактирных поваров в Дурдиче, так что цену за тебя хорошую дадут.

– Всё-то ладно сказываешь, Черман, а только не верю я, что Дурдич есть.

– А где ж я был только что?! – рявкнул Натко, поскольку начал злиться на совершенно непонятное ему упрямство жены, возомнившей себе какую-то околесицу в его отсутствие.

– Не знаю я, – всхлипнула Миланка.

– Так, жена, хватит сопли пускать! – приказным тоном сказал Натко, перехватив инициативу в этой порядком надоевшей и напугавшей его беседе. – Что у тебя там всадники едят, раз котел пустой?

– Окрошку едят. Жарко сегодня, вот и сделала им на квасу.

– Ааа, – протянул Натко, удовлетворенный ответом жены, – ну хорошо. А то я уж думал, ты со своими размышлениями заставила их воздух из мисок черпать.

На какое-то время странный разговор прервался. Натко пошел проверять нехитрое хозяйство. Обойдя таверну кругом, он пересчитал лошадей, стоявших у входа. Они по-прежнему страдали хромотой, и их по-прежнему было две.

– Гав, – тихо, с чувством собственного достоинства, произнес не менее хромой, чем лошади, старый Савка.

Он вылез из запрятанной в кустах конуры и, припадая сразу на обе передние лапы, подошел к Натко и снова произнес:

– Гав.

– Привет, псина, – хмыкнул Натко, осторожно погладив дряхлого пса по голове.

– Гав.

– Вот тебе кость. Из Дурдича привез, – сказал Натко и выудил из широкого кармана шаровар большой мосол, завернутый в тряпку. На нем еще оставались сухожилия и немного мяса, а у древнего пса – достаточно зубов, чтобы счесть кость отличным лакомством. Савка вежливо ухватил черной пастью мосол и удалился в своё жилище под задумчивым взглядом Натко.

– Савка, – пробормотал Натко, припоминая, как звали его предыдущего пса.

Не припомнив, он повторил «Савка» несколько раз, и понял, что не может вспомнить его щенком. Раз в неделю, в среду, Натко брал лодку, ехал в Дурдич за припасами, и привозил псу вкусную кость. И как-то мысли у него не было завести собаку помоложе, хоть Савка и был уже лет двадцать как при смерти, и в собачьем раю собачий апостол Петр терпеливо дождался его у врат.

– Надо привезти щенка, – решил Натко. – И Миланке лишнее развлечение.

Войдя в зал, Натко перехватил голодные взгляды всадников, устремленные на выдающиеся из-под платья округлости жены, которая как раз вешала над очагом котел для варки булгура.

– А то, – хмыкнул удовлетворенно Натко, которому польстило такое внимание к своей красоте жене.

Почувствовав небывалую уверенность в себе, он подсел к путникам и завел разговор о том, кто они, откуда, и не хотят ли они взять комнату на ночь. Всадники оказались поверенными одного греческого банкира, и ехали в Градец, к Янко Камауфу, по каким-то денежным делам, о которых не могли распространяться. Немного поговорив о басурманах-бошняках и расплодившихся волках, прокляв бездельников сербов, носу не казавших из своих фортов, чтобы следить за порядком, Натко плавно перевел поверенных в ранг постояльцев, уговорив их взять лучшую комнату за форинт, и, пожелав приятного вечера и спокойной ночи, отправился к Миланке.

– Подготовь постель тем двоим, – попросил Натко жену как можно ласковей.

Миланка вдруг всплеснула руками и решительно повернулась к мужу, глядя на него сверху вниз – а она ростом была повыше его на целую голову – и в черных глазах её блестели крупные слезы.

– Я поняла всё, Черман. Мы – умерли, и попали в Чистилище. И теперь изо дня в день мы ходим по кругу, и будем в этой таверне, пока не искупим свои грехи. И нет никакого Дурдича, и ничего нет ни за тем поворотом, ни за тем холмом. Есть только озеро, лес и наша таверна.

– Но я был сегодня в Дурдиче, – ответил совершенно обескураженный Натко.

– А может и ты – всего лишь страж моего чистилища, – всхлипнула Миланка и отвернулась, чтобы продолжить стряпню, роняя в котел слезы.

Натко, совершенно выбитый из колеи такими рассуждениями жены, зашел на кухню и отчетливо произнес несколько богохульств. И тут ему на глаза попала та самая книжица, что была в руках у Миланки.

– Ан-на Рад-клиф, – медленно, разбивая слова на слоги, прочитал не шибко ученый Натко надпись на обложке, – «Сбор-ник вол-ну-ю-щих но-велл».

Мужчина, довольно смутно помнивший тот краткий миг, что можно было именовать «школьным образованием», не мог бегло пробежаться глазами по витиеватому тексту, и, с трудом разобрав несколько высокопарностей, лишь рассердился и направился к жене, чтобы выяснить, откуда она взяла эту заумную дрянь.

– Дрянь?! – взвизгнула Миланка возмущенно.

Натко открыл книжицу на случайной странице и сердито прочёл:

– «...е-го гу-бы приль-ну-ли к ейним гру-дям...»

– Да, Черман! Прильнули! – Миланка бросила поварешку и нависла над мужем, роняя свысока слезы прямо на его задрванное к потолку лицо. – На грани гибели их иллюзорного мира, когда не осталось ничего в их жизни, кроме естественной первобытной страсти, разве можно осуждать героев за стремление испытать то последнее чувство, что оставил в их распоряжении злой рок?!

– Так вот откуда эти дурацкие разговоры о чистилище?!

– Да, Черман! Эта книга – знак! Её обронила после себя семейная пара. Крестьянская семья из Копача проезжала тут днем и заходила пообедать. И их дочка, гимназистка, оставила книжицу на столе. Прочтя первые десять страниц, я поняла всё!

Это уже переходит все границы, подумал Натко. Неужели пришла пора применить кулаки, как делали это другие мужья в Дурдиче по отношению к своим отбившимся от рук женам? Или просто отгаскать негодницу за волосы и бросить в озеро освежиться? Хотя, ночное купание могло закончиться горячкой, и тогда точно пришлось бы закрывать таверну впервые за триста лет.

– Я – пленница этой кухни. Раба сотен господ, что бесконечной вереницей пользуются мной, как бульварной девкой, – сказала гневно Миланка.

– Какой девкой? – переспросил Натко.

– Бульварной, – повторила Миланка, но Натко это слово было неизвестно, хотя общий смысл Миланкиных сентенций он уловил.

– Хочешь, отвезу тебя в Дурдич? – зашел Натко с козырей.

Миланка подняла на него полные недоверия глаза и покачала головой:

– Ты не сможешь.

Натко скользнул усталым взглядом по выбившимся из-под платка чернявым локонам жены, по её широкому, с небольшой горбинкой, носу, усыпанному веснушками, по подрагивавшим от горестного волнения плечам, по вздымающейся под передником груди, и вспомнил постояльцев, что с таким вождением глазели на её формы.

«Да как такую можно за волосы таскать или кулаком в лицо бить?» – подумал Натко возмущенно и решительно тряхнул головой.

– Прямо сейчас отвезу. Сядем в лодку и поедem.

– Темно же, – возразила Миланка.

– Луна вона какая, – хмыкнул деловито Натко, в котором разыграл вдруг юношеский запал.

– Идем, – со смесью страха и восторга отозвалась Миланка.

– Куда это вы собрались на ночь глядя? – со вполне однозначным недоверием спросил один из поверенных греческого банкира, перегородивший супружеской паре выход из таверны.

– В Дурдич, – честно ответил Натко, глядя на поверенного сверху вниз и чувствуя, как жена тянет его за руку назад.

– Зачем ночью вам обоим в Дурдич? – холодным, как озерная вода, тоном спросил поверенный.

– У жены горячка. Её надо срочно показать доктору.

– Родовая? – уточнил совершенно лишенным иронии тоном поверенный

– Да какое вам собственно дело, куда мы едем? – разозлился вдруг Натко, которого этот вечер и так уже порядком достал. – Мы – люди свободные! Хотим – в Дурдич едем, хотим – в Рим махнем, к Папе Римскому!

– Или к местному атаману в горах, – хмыкнул второй поверенный, подошедший сзади, – чтобы он нас прирезал и денежки забрал, что мы в Загреб везем.

– Вот-вот, заметил небось сумку с золотишком, паскуда, – процедил сквозь зубы первый поверенный, выхватил из-за пояса короткий нож и приставил его острие к горлу оцепеневшего от страха Натко.

Ночь супруги провели привязанными друг к другу и запертыми на собственной кухне. Однако поверенные греческого банкира оказались людьми хоть и подозрительными, но не разбойниками. Они утром развязали хозяев таверны и даже не забыли расплатиться за ночлег и корм для лошадей. После чего вскочили на своих кляч и удалились вверх по западной дороге.

– А вот теперь – в Дурдич! – воскликнула Миланка, как только фигуры всадников скрылись за лесом.

– Куда?! – взревел Натко, бешено вращая красными от недосыпа глазами.

– В Дурдич, – неуверенно повторила Миланка, – ты же обещал.

– В Дурдич! – повторил громко её разъяренный муж.

– Гав! – отозвался из кустов Савка.

– Хорошо! Марш в лодку! А я запроу таверну!

– Я ведь тебе говорила. Из чистилища нет пути, – произнесла загробным голосом Миланка, когда они оказались на берегу.

Непрестанно богохульствуя, Натко обошел жену и встал перед причалом, возле которого лежала на дне озера лодка, чье днище было раскурочено топором. Побогохульствовав для приличия еще немного, Натко развернулся и пошел к таверне, у дверей которой уже стояли крестьяне и телега, запряженная волом.

– У жены горячка, – пояснил хозяин таверны недоумевающим путникам, отпирая тяжелый амбарный замок.

– Гав! – произнес озадаченный Савка, провожая взглядом Миланку, которая, подобрав полы платья, стремительно убегала вверх по западной дороге.

– Ой дура, – пробормотал Натко, глядя вслед убегающей жене, и отправился выполнять свои непосредственные обязанности, оставив сумасбродную женщину наедине со своими проблемами. Савка поняв, что хозяин ничего предпринимать не будет, флегматичной рысью захромал следом за хозяйкой. Но не прохромал он даже сотни своих, собачьих шагов, как увидел хозяйку, бегущую обратно. Следом показался взлохмаченный волк, который в нерешительности замер, почуяв близость человеческого жилища, и преследовать улепетывающую добычу не стал.

– Савка, родненький, – прошептала задыхающаяся после неистовой погони Миланка, падая на колени возле старого пса.

– Гав! – ответил он понимающе и угрожающе посмотрел на волка, который, чуть поразмыслив, исчез в своей чаще.

Превозмогая законы природы, Натко умудрился сварить суп из булгура за каких-то полчаса, и, когда он принялся его разливать по мискам, в таверну ворвалась запыхавшаяся жена в изодранном и запачканном платье. Она окинула диким взором зал и издала странный вопль. После чего исчезла на кухне.

– Горячка, – пояснил смущенно Натко, расставляя миски перед мужиками, озадаченными столь необычным поведением хозяйки таверны. – Доктора жду уже второй день.

– Так давай мы её до Дурдича подкинем, – предложил самый старший из крестьян.

– Да, давай, – согласились его товарищи.

– А и впрямь, – кивнул Натко.

– А то баба-то у тебя хорошая, – сочувственно сказал старший, – сколько лет уже ездим через ваш двор, так готовит очень вкусно. Жаль было бы такой сгинуть от горячки. – Да, видная баба, – согласились его товарищи.

– Эй, Миланка, – окликнул Натко жену. – Поедешь с мужиками в Дурдич?

Миланка не отзывалась. Натко зашел на кухню и увидел, как его жена уперлась лбом в стену под сербской иконкой Девы Марии, и хриплым шепотом умоляет её выволить рабу Божью Миланку из чистилища.

– Миланка, там мужики в Дурдич едут...

– Даже волк не пустил меня в Дурдич, – произнесла, нервно дыша, жена Натко, поворачивая к нему раскрасневшееся лицо, по которому разметались растрепанные и мокрые от слез и пота волосы.

– Волк? – испугался Натко.

– Да, Черман, волк. Он прогнал меня из леса и остановился, когда понял, что я снова возвращаюсь в чистилище.

– Хватит называть нашу таверну чистилищем, – обиделся Натко. – Вон, прыгай на телегу к мужикам и к вечеру будешь в своём Дурдиче.

– Нет никакого Дурдича! – вскричала Миланка.

Связанную женщину, бьющуюся в горячке, положили аккуратно на мешки с кабачками.

– К вечеру будет у самого лучшего доктора в Дурдиче, – заверил старший взволнованного Натко и похлопал его по-отечески по плечу, – ты, главное, молись, и выпей чего-нибудь. Я и не такое видел.

– Да, у меня баба в прошлом году чуть от поноса кровавого не померла, – подтвердил один из крестьян. – А у...

Вол, шагнув в сторону, оступился и истошно заревел, припав на подвернутое копыто, так и не дав крестьянину закончить свой рассказ.

– Гав, – произнес Савка, подойдя к потерявшему дар речи хозяину, переводившему полный ужаса взгляд с жены, охваченной дьявольским хохотом, на ревушего от боли вола.

– Гав, – ответил Натко.

Живое

Михаил Крыжановский

Жека бодро стучала ножом по разделочной доске и напевала себе под нос какую-то весёлую мелодию. Стоящий на плите рядом с ней чайник неровно и протяжно засвистел в тон; его носик начал оплывать и подёргиваться, словно ищущий хоботок.

– Ох, нет, нет, только не чайник, мы же из него пьём!.. – застонал Паша.

– Прости, – Жека виновато взглянула на него, – я просто подумала, что он на слоника похож. Нет, ну скажи, похож ведь? Даже шапочка из цветов есть.

Девушка сняла постанывающий чайник с огня. Пар из носика вырывался пульсирующими порциями – нервные выдохи нового жителя кухни тут же всасывались жадно хрипящей вытяжкой. Кипяток ударил в заварник прямым и жёстким прутом.

– Вы только поглядите, какой стеснительный, – Жека погладила чайник по крышке: – боязнь сцены, да, Слоник?..

Паша на мгновение прикрыл глаза, после чего встал и прошёл в ванную комнату. Закрыв за собой дверь на шпингалет, он выкрутил вентиль холодной воды, опёрся спиной о стену и сполз по ней на розовый коврик. Шум воды смешивался с мерным почавкиванием стиральной машины, спокойно жующей бельё. Паша прижал затылок к приятно холодящему кафелю и тронул ладонью слегка вздутый бок стиралки – гладкая поверхность металла грела неожиданном, лихорадочным жаром, в глубине которого прощупывалось напряжение работающих мышц. В ладонь вдруг ударило медленное и мощное биение невидимого сердца. Паша отдернул руку и инстинктивно вытер ладонь о футболку.

– Как там ваннские обитатели поживают? – энергично спросила Жека у входящего на кухню, бросив на того слегка встревоженный взгляд. С лица и волос Паши на пол капала вода.

– Ну, унитаз ты ещё не оживила, и на том спасибо. – Паша обнял девушку за талию и неловко улыбнулся.

– Очень смешно! Давай завтракать, всё готово, – Жека махнула лопаткой в сторону стола. Белые овалы тарелок неуловимо меняли очертания; словно самые медленные амёбы в мире, они двигались к краю столешницы ровно с такой скоростью, чтобы наблюдатель мог усомниться в собственном зрении. Паша сел и привычно ткнул яичницу на тарелке ножом, почти ожидая услышать вскрик.

Жека решительно насадила на вилку трепещущий, скользкий пласт поджаренного белка и отправила его в рот. Паша нехотя взял свою вилку и принялся вертеть её в руках. Казалось, она всё ещё хранила тепло человеческих рук, но тепло это задерживалось слишком долго, оставаясь неуловимым ощущением неправильности на коже. За последние полгода это впечатление стало привычным, но в памяти всё ещё держался отпечаток теперь недоступного – нормальной жизни.

В понедельник на обеденный перерыв в офисе традиционно никто не пошёл. Не отрываясь от монитора, Паша достал из сумки сочник с творогом и положил его рядом с клавиатурой. Потом потянулся за кружкой с кофе и на пути к сочнику случайно приложил её о системный блок.

– Ох, прости!.. – на автомате извинился он перед кружкой, после чего сразу опомнился и опасливо оглянулся через плечо. Конечно же, за спиной стоял Олег Евгеньевич.

– Что, Павел, пил вчера? – с деланной заботой спросил он.

– Да нет, просто заработался что-то, каша в голове уже, – пробормотал Паша и набил рот сочником, избегая встречаться взглядом с начальником.

– Чтобы заработать, нужно для начала хотя бы работать! – довольный своим заявлением Олег Евгеньевич похлопал Пашу по плечу и продолжил курсировать по офису в поисках новой жертвы.

Паша торопливо проглотил остатки булки, тихо выругался про себя и погладил кружку по ручке, всё ещё ощущая смутную и неуместную вину. «Нормальный мир, нормальный офис,» – подумал он, сжал кружку в ладонях и стукнул ей по углу стола. Стукнул ещё раз, сильнее. Ещё раз. Наконец, не выдержав, поставил её на место и с облегчением откинулся на спинку кресла.

Ночная темнота душила жаром дыхания сотен существ. Это удушье не исчезало после проветривания и никак не отражалось на термометре, но ощущение тесной толпы за спиной не пропадало ни на секунду. Пашу вытолкнуло из сна, полного призрачных и грустных созданий, как поплавок из тягучей смолы – медленно, с ленивым усилием. Он молча лежал и глядел в темноту, не видя, но зная и чувствуя, что там находится. На полках, подоконнике, поверхности комода – сотни существ, едва тёплых, обманчиво неподвижных. С кухни слышался

призрачный электронный писк микроволновки, без ритма и смысла, свербя в мозгу и мешая заснуть обратно.

Когда Жека проснулась, Паши рядом не было. Она со стоном поднялась со смятой простыни, сунула ноги в большие мягкие тапочки и прошаркала на кухню.

Мутный и тусклый зимний рассвет обрисовывал на фоне серого прямоугольника окна сгорбленную фигуру. Паша неподвижно сидел на табуретке, сжимая в руках отвёртку. Перед ним на столе разложилась микроволновка со снятым кожухом; в блюде лежала горсть разнокалиберных винтов и пара цветных проводов.

– Паш, ты чего? – неловкой спросонья походкой Жека медленно подошла ближе. Паша посмотрел на девушку снизу вверх со смесью вины и раздражения:

– Я разобрал её почти полностью. Никаких внутренних органов, нет сердца, крови, вообще ничего! Только провода, конденсатор, магнетрон, электросхемы, но я же чувствовал... То, что мы в них чувствуем... Это не может быть живым.

Но Жека как будто его не слышала.

– Ты убил её. Что ты наделал? – зло бросила она. Лицо её покраснело и сморщилось, глаза наполнились слезами.

– Да соберу я её, соберу! – выкрикнул Паша и бросил отвёртку на стол. Но потом увидел лицо девушки и сказал уже тише: – Прости. Извини.

Они не разговаривали несколько часов. Есть никому не хотелось, но Паша принялся неуклюже варить овсянку. В угрюмой тишине кухни вдруг раздался лёгкий, тонкий щебет и писк. Увидев, как за дверцей микроволновки загорелся свет, Жека облегчённо улыбнулась и передёрнула плечами, стряхивая напряжённость тела.

Искрящиеся гирлянды, густо намотанные на голые ветки деревьев, перемигивались с ярко сияющими вывесками. По аллее неспешно прогуливались многочисленные парочки, между которыми пробегали одиночки, озабоченно выискивающие в чередке витрин места, где можно упаковать подарки.

– Как думаешь, – сказала вдруг Жека, – может, всё это неспроста? Ну... я про все эти странности.

– Конечно, неспроста, – ответил Паша. – Тебя похитили инопланетяне и теперь ставят над нами эксперименты.

– Нет, Паш, ну ведь я серьёзно! Разве может такая сила быть дана просто так, а не для чего-то? Изменять мир... дарить жизнь.

– Я лично считаю, что жизнь это вообще не подарок.

Жека обиженно замолчала, и некоторое время они шли в тишине. Увидев впереди трактор, скребущий щёткой по мостовой, девушка не выдержала и сменила тему:

– Много снега в этом году, правда? Не то что в прошлом.

– Ага, много. Непонятно только, зачем все эти мероприятия, если людям хоть от снега, хоть от снегоуборщиков проходу нет, – Паша угрюмо вздохнул и покрепче взял Жеку под руку, чтобы помочь ей обойти трактор.

– Паштетик, не ругайся на машинку, она же так старается, – шутливо ответила Жека, перепрыгивая наваленную грудку снега.

Паша понял, что сейчас произойдёт, за долю секунды до того, как услышал крики позади.

Трактор-снегоуборщик крутился на месте, взрыхляя снег широкими лапами чёрных колёс и беспорядочно подёргивая ковшом; словно пёс, отчаянно стряхивающий с носа укусившую его осу. Оранжевый проблесковый маячок на его крыше призывно сиял, и к этому сиянию медленно тянулись осыпающиеся бетонной крошкой стебли фонарных столбов.

Из кабины вывалился насмерть перепуганный мужичок в бушлате. Он рванулся в сторону, но трактор словно подпрыгнул на месте, жадно хватая ноги водителя вместе со снегом

и загребая их в яростно крутящийся вал механической щётки. Визг и хруст механизма вместе с рёвом двигателя заглушили резко оборвавшийся крик.

Паша обнял девушку за плечи; её была крупная дрожь.

– Я что-нибудь придумаю. Всё будет хорошо. – Чувствуя, как всё переворачивается внутри, проговорил он. – Всё будет хорошо.

Старая «Нива» переваливалась с боку на бок, громыхая инструментами и канистрами в багажнике. Паша нашаривал колею почти вслепую, нервно дёргая руль, когда колёса уводило в сторону. Жека полулежала на заднем сиденье в обнимку с одеялом и вздрагивала, когда по крыше барабанил падающий с веток деревьев снег.

Когда впереди показался дачный домик бабушки Нины, а ехать дальше стало невозможно, Паша остановил машину, достал из багажника деревянную лопату и принялся разгребать дорогу. Жека натянула шапку и вышла осмотреться.

Земля под ногами дрогнула. Лес наполнился птичьими криками, щётка елей на холме вдалеке задрожала, торопливо стряхивая белоснежные шапки с остроконечных вершин.

– Он был похож на медведя, – сообщила девушка. Из-под прикрывающего её лицо шарфа голос звучал глухо и отстранённо.

– Кто?

– Холм.

Паша проследил за её взглядом. Словно силуэт кролика в облаке, в заснеженных очертаниях ландшафта сложилась линия спины огромного и могучего спящего животного. Глухой гул и ворчание из-под земли проходили сквозь ноги, отзываясь мелкой вибрацией в костях.

– Действительно, похож.

В единственной комнате бревенчатого домика не было ничего лишнего – небольшая печь, металлическая рама старой кровати, деревянный стол и пара шатающихся табуреток. Сгрудившиеся в центре пустого пространства сумки с вещами выглядели городскими гостями, случайно попавшими на деревенскую дискотеку. Не снимая куртки, Паша присел на сетку кровати; ржавая проволока тонко взвизгнула и со скрежетом переместилась в новое для себя положение.

– Ну вот, всё, как я тебе говорил. Оживлять-то и нечего. Максимум, что ты сделаешь – это избушку на курьих ножках.

Жека бледно улыбнулась в ответ.

– Прямо как терапия наркомании. Осталось меня к батарее наручниками пристегнуть.

– Не-ет, ты что, забыла? У нас же романтический отпуск в деревне, – Паша тряхнул головой, суетливо вскочил с кровати и шагнул к двери: – схожу за дровами, сейчас зажжём камин. А ты пока вино открой.

Несколько дней спустя комната переполнилась уже привычным туманом удушающего присутствия; невидимая толпа теснилась вокруг – постоянное, неутомимое движение, которое нельзя уловить глазом, неслышимый беспокойный шёпот десятков бесплотных голосов. В центре этого призрачного вихря на кровати лежала Жека, исхудавшая и бледная, щёки влажные от лихорадочного жара. Паша встряхнул градусник, сунул его девушке подмышку и подтащил к кровати вяло сопротивляющуюся табуретку с тарелкой бульона. Попробовав бульон, он задумчиво кивнул и протянул ложку девушке.

Жека приподнялась с подушки, из-под одеяла потянулась к ложке её белая рука. У Паши помутилось в глазах, когда пальцы этой руки бескостно выгнулись в разные стороны, как белёдые, узловатые корни хищного растения. Под кожей вспучивались и пробегали волны изменяющейся плоти, ногти медленно шевелились, отслаиваясь от лож. Паша посмотрел Жеке в глаза, но та отвернулась.

– Больно? – спросил он.

Жека не ответила, только слабо пожала плечами. Он швырнул ложку в стену и вскочил с края кровати:

– Всё, как рассветёт, тут же едем в больницу. Пора с этим завязывать, пусть режут, если надо. Не могу я больше смотреть на то, что с тобой происходит. Поняла?

– Поняла, – устало отозвалась Жека.

Пока девушка неловко пыталась поесть левой рукой, Паша кормил печку. Прямоугольное жерло ненасытно заглатывало дрова, подвывая от голода ветром в дымоходе. Подкидывание дров превратилось для Паши в свой собственный ритуал; деревянные чурки никогда не оживали, только молча, спокойно сгорали, оставляя после себя тонкий серый пепел – чистый, равномерный. Неживой.

Руку на ночь замотали полотенцем. Паша поставил будильник на четыре утра, погасил свет и лёг в кровать рядом с Жекой. Под одеялом он наощупь нашёл её другую, нормальную ладонь и накрыл своей. Несколько минут они так лежали в тишине посреди пульсирующей, мельтешащей вокруг невнятной жизни, и Паша подумал, что девушка уже заснула, но вдруг прозвучал её шёпот:

– Ты их не бойся. Я боялась, но теперь нет. А ты всё отказываешься понимать... Мой мир, мой дар... Они – это и есть я.

– Спи давай, философ, – прошептал Паша, легонько сжав её руку. – Когда вылечим тебя, тогда и расскажешь.

Едва различимая в темноте беззвёздной ночи, дорога окончательно потерялась меж стволов мрачного, холодного леса. Треск и хруст снега под ногами повторялся рефреном за спиной, но никого не было видно. Невидимых и молчаливых преследователей становилось всё больше с каждым шагом; они не нападали, но и не собирались помогать. Паша не выдержал и рванул наугад между елей. Он долго бежал в полной темноте, хватая холодный воздух ртом, пока наконец не прибежал домой.

Вот-вот должны нагрянуть в гости Жекины родители. Паша спешно попытался растолкать какие-то вещи по шкафам, но те всё так и норовили вывалиться обратно. Жеки не видно, но он знает, что она там, на кухне, в малиновом фартуке, режет салаты и напевает себе что-то под нос. Он крикнул ей через стенку: «Тебе помочь?» Она громко и весело ответила: «Не надо, я сама!» Отложив на подоконник приятно неподвижную и прохладную книгу, Паша распахнул окно и со всхлипом вырвался из сна в душную темноту избы. Скомканная подушка влажно и неприятно клеилась к щеке.

Утром Жека не смогла встать с кровати. Странно деформированные ноги изгибались в неожиданных местах, медленно обшаривая окружающее пространство. Зараза жизни захватывала все новые и новые участки тела – стук множества сердец вразнобой бился из-под лихорадочно горячей кожи, скрывающей постоянное, неустанное движение. Паша попытался влить девушке сквозь сжатые зубы ложку бульона, но горло отказывалось пропускать пищу.

Вскоре последние следы сознания в теле исчезли. Расфокусированные глазные яблоки ворочались в глазницах независимо друг от друга, беспорядочно подрагивая чёрными дырами зрачков. Из горла с клубами пара вырывался непрерывный писк, для создания которого не требовалось вдоха. Волосы на макушке шевелились от биения очередного сердца.

Паша изо всех сил, до боли в голове зажмурился и попытался заплакать, но слёзы не шли; вместо них пришёл только сухой кашель вместе с тихим и высоким поскуливанием. Он разжал судорожно сведённые кулаки и бездумно уставился на полумесяцы лунок, оставленные ногтями в коже ладоней. Лунки медленно наполнялись кровью.

Закончив поливать лежащие на снегу дрова из гулко булькающих канистр, Паша остановился перед дверью избышки. За дверью тихо бурлила звуковая каша – шорохи и шепотки, деревянное поскрипывание, негромкий гул толпы, сидящей в нетерпеливом ожидании первой ноты оркестровой увертюры. Паша поймал себя на том, что хочет постучаться в дверь и спро-

силь, можно ли войти. Он помотал гудящей, омертвевшей до бесчувствия головой и достал из кармана зажигалку.

Столб огня рвался в небо, разгоняя тьму ночного леса; тени деревьев истерично дёргались в диком хороводе на синем снегу. Жар бил в лицо, волосы сворачивались и курчавились, оставляя резкий жжёный запах. Паша стоял и непрерывно смотрел в огонь, но за всё время пожара из домика не донеслось ничего – ни крика, ни стога. Крыша избушки прогорела и с треском провалилась, и из возникшей дыры к небу вырвалось облако оранжевых искр, уносящее с собой многоголосый щебет призрачного хора.

Эн-пи Александр Лебедев

– Как странно, не правда ли? Смерть неотступно следует за нами по пятам. Непреодолимым барьером она маячит где-то впереди нашего жизненного пути. И каждый из нас может быть уверен на сто процентов, что как бы быстро он не шагнул по нему, какие бы не выбирал повороты на развилках судьбы, финал будет один – смерть. Дрожим ли мы по причине неизбежности такого исхода в перманентном страхе перед смертью? Сходим с ума и начинаем жить последним днем лишь потому, что знаем обязательной итог своей жизни? Повернись к своему соседу и спроси: эй, друг, ты дрожишь от страха перед смертью?

Преподобный Винсент оскалился в белоснежной улыбке на миллион долларов, которую камера взяла крупным планом, прежде чем развернуться к трибунам, амфитеатром выстроенным перед сценой. Пять тысяч человек, занимавших трибуны, как один последовали призыву пастора, и лужайка перед нэшвилльским Парфеноном, чьи колонны алели в лучах заката за сценой, наполнилась громогласным «Нет!».

– Аминь! Аллилуйя! Конечно же нет! – подхватил преподобный и воздел руки к подернутому вечерним сумраком небу. – Впереди нас ждет вечная жизнь в Царствии Божьем!

Некоторое время перед колоннами копии античного храма царил святой хаос. Винсент истошно благодарил Создателя, перегружая звуковое оборудование. Люди вскакивали с мест, вздевая кверху руки в неистовой молитве, сопровождаемой глоссолалиями и неудержимыми плясками «Святого духа». Затем пастор властно поднял над головой растопыренную пятерню, и аудитория затихла. Оператор незамедлительно показал крупным планом несколько особо одухотворенных лиц, залитых слезами счастья.

– Посмотрите на него. – сказал притихшим вдруг голосом преподобный и протянул руку к появившемуся на краю сцене заключенному латиноамериканцу, скованному кандалами по рукам и ногам. Оранжевая роба его была ярко подсвечена софитами, и он разительно выделялся на фоне плотной стены тьмы, медленно поглощавшей Парфенон.

Трибуны затихли. Тысячи глаз устремили свои взоры на напуганного человека, со страхом озиравшегося по сторонам.

– Как зовут тебя? – строго спросил пастор, подходя к заключенному.

– К-карлос, – заикаясь, ответил тот.

– Ты убивал и насиловал женщин, Карлос, – утвердительно произнес преподобный Винсент и усмехнулся, – или в обратном порядке?

– В обратном, – промямлил Карлос, но его голос потонул в сдержанном смехе трибун.

– Что ты видишь, Карлос? – спросил пастор, простерев ладонь к исчезающим во тьме колоннам храма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.